

**В СЕРИИ «МИР ЛОЗЫ И КАМНЯ»
ВЫШЛИ КНИГИ:**

НЕВЕСТА

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ИСКРЫ ГАСНУЩИХ ЖИЛ

МЕХАНИЧЕСКОЕ СЕРДЦЕ.

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ

ХОЗЯЙКА БОЛЬШОГО ДОМА

КОРОЛЕВСКИЕ КАМНИ

ДИНАМИЧЕСКОЕ РАВНОВЕСИЕ

Карина Демина

**МЕХАНИЧЕСКОЕ
СЕРДЦЕ
ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ**

ЧАСТЬ 2

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
Д 30

Демина К.

Д30 Механическое сердце. Чёрный принц.
Часть 2 / К. Демина, — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 422 с. — (Мир лозы и камня).

ISBN 978-5-521-90746-5

Близится прилив.

Материнская жила переполнилась пламенем. Отсчитывают секунды жизни бомбы, совокупный удар которых уничтожит город.

И тогда Стальной король спустит с привязи чуму, что затаилась на борту древнего «Странника». Новая война, способная уничтожить и псов, и людей, вот-вот разразится. Брокк, Кэри, Таннис и Кейрен — лишь пешки в игре двух королей, каждый из которых готов жертвовать фигуры ради победы. Но и пешка способна вести свою игру.

BIC FM
BISAC FIC009000

© Карина Демина, текст, 2022
© RUGRAM, оформление, 2023
ISBN 978-5-521-90746-5 © Т8 Издательские технологии, 2023

ГЛАВА 27

Темная ночь.

Мертвая.

И чернота Шеффолк-холла за оградой, острые пики которой упираются, казалось бы, в самое небо. Прутья покрыты льдом и лоснятся, за ними — дичающий сад. И массивный уродливый дом.

Холодно.

Ветер продувает пальто насквозь, и Кейрен отчаянно мерзнет. Он наблюдает за домом давно, и не только за ним, но и за жерловинами улиц, выходящих на Шеффолк-холл.

Стерегут.

Изнутри. Снаружи. Но усердно, и мальчишки в лохмотьях, что вертятся возле ограды, не решаясь, однако соваться на ту сторону, то и дело свистят. Свист резкий, переливчатый, и на него отвечают тоже свистом, но уже из темноты домов.

Сколько у него людей?

Сколько бы ни было, лезть в открытую не стоит. И Кейрен со вздохом взялся за пальто. Его он спрятал под крыльцо дома, выглядевшего нежилым. Туда же отправил штаны и рубаху, со вздохом

потянувшись к исконной жиле. Она отозвалась легко, хлынув на зов, захлестнув жаром и силой, накрыв с головой. Пламя, такое вдруг близкое, переплавало тело, бросив под ноги совершенно иной, расписанный запахами мир.

...трое.

...нет, четверо, но четвертый след слабый, он обрывается у самой решетки. А мальчишка дремлет, спрятавшись за телегу водовоза. Он просыпается лишь затем, чтобы сигнал подать и вновь закрывает глаза.

Пусть спит.

...пахнет сырой землей. И водой.

Кострами.

Собаками, что скрыты по ту сторону ограды. Чтобы перебраться через нее, приходится вновь стать человеком, ненадолго, но и это малое время Кейрен ощущает себя слабым. Он карабкается, цепляясь за скользкие прутья, почти съезжая по ним, и острые пики норовят проткнуть живот. Холодное железо, позабыв о родстве, раздирает бок, и боль эта заставляет стиснуть зубы и собраться.

Поймают — будет больнее.

На той стороне — темнота. И снег, на котором останутся следы... нет, ветер разгулялся, помогает, тянет белые хвосты поземки, и значит, повезло.

Встать на четыре лапы, лизнуть саднящий бок. Запах крови привлечет собак, и Кейрен спешит уйти от ограды. Он больше не крадется — в причудливом диком саду полно теней, одной больше, одной меньше... не беда. Старые каштаны

пахнут зимой, и гибкие хлыстовины лещины смерзаются, склеиваются друг с другом, становясь еще одной стеной. В ней, в буром зимнем лабиринте, его нагоняют. Кейрен слышит псов издали, тяжелый запах, мокрой шерсти, зверя, и голоса.

Низкий рык — предупреждением.

И стая застывает путь.

Волкодавы, косматые, полудикие стоят полукругом, оскалившись. И Кейрен скалится в ответ

Прочь.

С дороги.

Не пропустят. Вожак, с обкорнанными ушами, подбирается к чужаку. Его гонит приказ и право: Кейрен на чужой территории и должен уйти.

А он стоит. Ждет. Подпускает близко и бьет наотмашь, хвостом, как плетью, не по косматому боку, такие удары пес выдержит, но по морде, по глазам. И прежде, чем волкодав успевает опомниться, впивается в горло, подбрасывает массивное тело, словно оно не весит ничего.

Шерсть забивает глотку. Слюна вдруг кислой становится, а пес, упав, скулит, скребет лапами, пытаясь отползти. Протянет он недолго.

Кейрен, повернувшись к стае, рычит, глухо, низко, и голос его заставляет псов отступить.

Прочь.

В пустой зимний лабиринт сада.

А Кейрену к дому надобно, от которого тянет дымом. Людьми. Человеком, чей запах вызывает приступы ярости. Зверь Кейрена сам выбирает дорогу, пробираясь сквозь хитросплетения вет-

вей, ближе к стене, поросшей плющом. Он, как и ограда, заледенел, и выглядит до отвращения ненадежным.

...западное крыло.

Третье окно от реки, если он правильно считал, и старуха ничего не напутала со своим шарфиком. И Кейрен, лизнув бок, все еще саднящий, раздражающий, обернулся.

Дорога плюща, мать его. Романтический подвиг во имя короны... и прав полковник в том, что если рисковать, то одной головой. Вытаскивать не станут.

А стена высокая, отвесная. Стебли хрустят, впиваются в руки, царапают. И еще ветер в спину бьет, прижимая к ледяному камню.

— Р-романтика п-полная, — Кейрен повис, упираясь кончиками пальцев во фриз, который снизу гляделся довольно-таки ненадежным. И камень крошился, сыпался, но держал.

Пока еще.

Под руками — стебли не то плюща, не то винограда, но приросшие к стене, но как-то неплотно приросшие. И тоже хрустят. А сами стены, выщербленные, древние, льдом глазурированные. Не вцепишься.

И дышать через раз получается.

Забираться выше. Второй этаж и широкие подоконники случайной передышкой. За стеклами темно, дом выглядит вовсе нежилым... выше надо, пока не околел. Выкатившаяся луна, затертая с одной стороны, грязная какая-то, повисла над Кей-

реном, поторапливая. Снова камень. И ветви, все более тонкие, ненадежные. Подоконник, достаточно широкий, чтобы поместиться. И что за беда, если приходится сжиматься, втискиваясь в узкую бойницу окна. Слава жила, хотя бы решеткой не забрано. Кейрен прилипает к стеклу, пытается разглядеть хоть что-то, дышит, топит лед остатками своего тепла. И вода течет по пальцам, рождая судорогу. А все равно по ту сторону темно, или же стекла в Шеффолк-холле толстые, древние, как и сам дом. Сквозь такие и днем-то вряд ли что разглядишь. И пора бы решиться.

Постучать.

Поскрести, позвать, надеясь, что отзовется именно Таннис.

...на излишне широком шарфе, где жесткой нитью был воссоздан, пусть грубый, примерный, но план Шеффолк-холла, именно эта комната была отмечена желтой крупной бисериной.

— Таннис, — Кейрен звал, чувствуя, что замерзает.

Нелепая смерть. Просто-таки совершенно идиотская... еще немного и он попросту вышибет стекло с рамой вместе. Но окно открылось.

— Пусти погреться, — клацая зубами от холода попросил Кейрен. — П-пожалуйста.

Таннис.

Его женщина.

Растерянная. И счастливая. И злая невероятно. С руками горячими, просто-таки обжигающими руками. Втягивает в комнату, шипит:

— Ты ненормальный!

Совершенно ненормальный, если тогда, в театре, не украл ее. Но больше Кейрен этой ошибки не повторит.

— Ты же...

— П-погреться, — в ее комнате горит камин, и Кейрен просовывает руки сквозь решетку. Он выдыхает резко, с выдохом пряча боль от первого, злого прикосновения пламени. Оно же, вдруг смирившись, карабкается выше и выше, разливаясь по плечам, по груди, вытапливая холод.

— Зачем ты пришел? — Таннис присаживается рядом. Она смотрит на огонь, и на Кейрена тоже, но на огонь больше. И тоже тянет к нему руку.

Бледную и тонкую.

Она сильно похудела, глаза запали, а улыбка исчезла. Куда? Ему так нравилась ее улыбка... и веснушки тоже, которых почти не осталось. Наверное, в Шеффолк-холл солнце заглядывает редко. И Кейрен тянется к ней, проводит сложенными щепотью пальцами по щеке.

— Ты плакала.

— И что? Все женщины время от времени плачут.

— Ты — не все, ты — особенная...

Короткие волосы слиплись, прядки влажноватые, тусклые, и Таннис пытается отстраниться.

— Прекрати...

Не прекратит.

— Зачем ты здесь, — она вдруг всхлипывает и позволяет себя обнять, сама обвивает руками шею. — Зачем ты пришел...